

ЮЖНЫЕ УДМУРТЫ В СОСТАВЕ КАЗАНСКОГО ХАНСТВА (1445–1552 гг.)

Б. Л. ХАМИДУЛЛИН,

*кандидат исторических наук, руководитель Центра изучения татарской диаспоры ГУ «Институт татарской энциклопедии и регионоведения Академии наук Республики Татарстан»
(г. Казань, РФ)*

Казанское ханство (1445–1552), являясь крупным, экономически развитым государством, сыграло существенную роль в политической, этносоциальной и культурно-экономической жизни народов Волго-Уральского региона. Территория ханства была обширной и объединяла земли «Камскою и Сыплинскою и Костятцскою и Беловолжскою и Вотяцкою и Башкырскою» площадью ок. 250 тыс. кв. км [25, 402]. Условно она делилась на 4 «стороны» (Арскую, Горную, Луговую и Побережную), а административно-политически – на ханский домен («Булгарский вилайет» / «Болгарской царев юрт») и 4–5 *даруг* / *вилайетов* / княжеств (Алатскую, Арскую, Галицкую, Зюрейскую и, позднее, Ногайскую), которые включали в себя *улусы* / области / уделы или *эли* / сотни и более мелкие административные единицы. В государстве было больше 700 крепостей, поселений и городов.

Кроме государствообразующего этноса татар в регионе проживали добровольно подчинившиеся власти Чингизидов и просившие их быть «заступниками» «от насилия и воевания русскаго» и «царству строителями» [13, 326] марийцы и чуваша, а также часть башкир, мордвы и удмуртов общей численностью около 400 тыс. чел. [25, 402]. Примерно половина из них исповедовала мусульманство, оставшаяся часть – язычество. Свообразное этнополитическое состояние ханства, а также относительная малочисленность государствообразующего населения (около 200 тыс. чел.) привели к оригинальному этносоциальному развитию местных народов. В этот период отмечают

увеличение межэтнических взаимодействий, рост удельного веса татарского этнического компонента, его широкое этнополитическое, социально-экономическое и ненавязчивое конфессиональное влияние на периферийное население ханства, тюркское этнокультурное влияние на финно-угорские народы страны (что привело к формированию специфических этнографических групп – каратаев, бесермян и т. д. – в отдаленной части государства) и финно-угорское этнокультурное влияние на тюркское население государства, что наиболее ярко проявилось в этногенезе чувашей [26, 26].

Особо хотелось бы отметить, что в ханстве наблюдалось создание новой этнополитической общности, образованной этносами казанских татар, марийцев и чувашей, части башкир, мордвы и удмуртов, на что указывает наличие в стране устойчивого этнического равновесия, социально-экономической, культурной и языковой интеграции, осознание всем населением государства своей принадлежности к единому политическому целому и признание им этого целого своей Родиной [26, 26], о чем, в частности, свидетельствуют события 1552–1557 гг. Кстати, именно это дало в свое время возможность московскому историку Ш. Ф. Мухамедьярову назвать Казанское ханство «государственным образованием народов Среднего Поволжья» [17, 5].

В середине XV в. южная группа удмуртов – окончательно сформированного уже к рубежу X–XI вв. этноса – оказалась в составе Казанского государства, в ее Арской и отчасти Зюрейской даругах. Первый казанский хан Махмуд нашел в регионе под-

держку местной родовой верхушки, которая увидела в его приходе возможности усилить центральную власть, ослабить междоусобицы, активно противодействовать экспансии на свою территорию новгородских и вятских ушкуйников, галичских, московских и иных русских князей [3, 37–39]. Йошкар-олинский историк А. Г. Бахтин писал, что «...в условиях, когда Среднее Поволжье периодически подвергалось опустошительным набегам ушкуйников, вторжениям русских князей и отдельных татарских отрядов из степей, прибытие сильного войска и хана могло вызвать у местного населения надежду на стабилизацию политического положения в регионе и защиту. В сильной центральной власти были заинтересованы практически все, как болгарское население, так и марийцы, удмурты и чуваш» [3, 40].

Арская даруга (*Арская земля / Арская сторона / Арская четверть*; по-удм. *Арму/Арима*) была одним из густонаселенных административно-политических уделов Казанского государства со смешанным этническим составом. В настоящее время много сторонников у концепции удмуртского происхождения города Арска, якобы основанного в XI в. (упоминаемая арабами «Арса»/«Арта», главный город «Арсании»/«Артании») [29, 78, 79] и якобы существовавшего в качестве центра самостоятельного южно-удмуртского княжества в XII–XV вв. [24, 297–302] и удельного удмуртского княжества в составе Казанского ханства в XV–XVI вв. [27, 346, 347], а в действительности многократно упоминаемого во многих русских летописях в связи с политическими событиями на территории Казанского ханства. Серьезной основой этого мнения служит удмуртский фольклор, в частности информация о том, что «в Арске восседал удмуртский эксэй (царь/князь)», и наличие в написании названия города компонента «ар», однозначно трактуемого некоторыми специалистами как указание на удмуртов. Однако данная концепция не раз ставилась под сомнение и уже не единожды серьезно критиковалась, и в первую очередь ижевскими исследователями [4]. Имеется также обширная историческая литература, рассматривающая возник-

новение города Арска в XII в. как результат болгаро-чувашского заселения бассейна рек Казанки, Вятки и Чепцы. В ней Арск считается изначально чувашским городом, население которого позднее было ассимилировано татарами. В представлении же, обосновывающем болгаро-татарское происхождение Арска, появление города видится как итог политико-экономического закрепления территории будущей Арской земли в рамках Волжской Булгарии в XI – первой половине XIII в. либо как следствие стремления золотоордынских татар «удержать за собой эту страну» [10, 214, 215], а последующее развитие города неразрывно связывается с этногенезом татар Волго-Вятского региона. Поэтому нельзя не согласиться с мнением казанских археологов Ф. Ш. Хузина, А. Г. Ситдикова и З. Г. Шакирова, которые справедливо отметили, что «...историко-культурное наследие Арска и его округи – это наследие всех проживающих здесь народов, созданное усилиями многих поколений их предков и требующее кропотливого изучения и бережного сохранения» [21, 3].

Количество удмуртского населения, входившего в Казанское государство (так называемые южные и/или арские удмурты; в русских письменных источниках – «черемиса, зовемая отяки» [13, 316]; «казанские люди вотяки», «казанских мест вотяки», «вотяки из казанских мест» [12, 145, 146]), было невелико – на наш взгляд, не более 50 тыс. чел. Примерно с 1468 по 1477 г. в состав ханства входили также северные удмурты. Видимо, в нем проживали представители следующих удмуртских родов (удм. *выжы*): Зумъя/Юмъя (члены которого часто занимали главенствующее положение среди удмуртов Арской земли), Дурга, Затча, Кибья, Кõпка, Куарса, Лõзя, Можга, Нõрья, Омга, Пельга, Поколь, Пышгья, Салья, Турья, Уля, Уча, Чабья, Чипгья, Чола, Шудья, Ырга и др. [2; 28; 29, 203–204]. Пребывание удмуртов камского правобережья в составе ханства сказалось на многих сторонах их жизни. Исследователи указывают на сильное татаро-ногайское и марийское влияние на этнокультурный облик южных удмуртов, определенное этнокультурное воздействие на них башкир и коми. Большая часть наименова-

ний предметов и понятий, в частности социальных терминов, привнесена в среду удмуртов именно в период Казанского ханства местными тюрками.

В XV – первой половине XVI в. в культуре южных удмуртов прослеживается активное смешение традиций местных финно-угорских и тюркских народов. Исследователи отмечают близость культуры удмуртов, коми и луговых марийцев, а также сильное тюркское влияние на материальную и духовную культуру. Именно сильным этнокультурным влиянием тюрков Казанского ханства на южных удмуртов известный историк-этнограф В. Е. Владыкин объясняет появление в Прикамье этнографической группы бесермян, которых он считает частью южно-удмуртского населения, испытавшей значительную тюркизацию и исламизацию [7, 24, 28; 8].

Этноним «бесермян» распознается относительно легко – это искаженное от тюрк. *busurman*, восходящее к перс. *mosalman*, произошедшему от араб. *moslem(un)* [5, 132]. В русских письменных источниках XIII–XVI вв. термином «бесермены» именуются мусульмане, какая-то часть волжско-камских булгар, а также татары [18; 20]. На сегодняшний день практически все исследователи единодушны с географическими (Арская земля) и хронологическими (период Казанского ханства) рамками этногенеза бесермян. Однако с этническими компонентами и элементами их этногенеза, а также с пропорциями этих компонентов и элементов до сих пор не все ясно, так как в русских письменных источниках XVI–XVII вв. они именуются «чуваши/чюваши/чаваша» либо «чаваша арские» [5; 16], в документах XVII в. – и чувашами, и бесермянами [16, 23] (лишь с конца XVII в. – только бесермянами аналогично тому, как «ясачные чуваша» Казанского уезда – представители крестьянского сословия, платившего ясак, – называются «ясачные татары»). Однако при этом сами про себя они говорили и говорят: «Мы прежде были татарами» [23, 90], «Мы из татар, а сейчас удмурты» [6, 43], т. е. подчеркивают свое татарское происхождение и ассимилированность в угро-финноязычной среде. Отсутствие у бесермян *воришудов* (у

удмуртов – духов-покровителей того или иного *выжы* – рода) также, по мнению известного этнографа К. И. Козловой, ставит под сомнение гипотезу о южно-удмуртском происхождении бесермян [14].

Основная часть южных удмуртов (как и северных) являлась язычниками. Система язычества удмуртов, имевшая много общего с верованиями других финно-угорских народов региона, характеризовалась значительной сложностью и развитостью. Об этом свидетельствуют многочисленный пантеон божеств, авторитет служителей культа, наличие особых мест молений, святилищ, детально разработанные ритуалы с обрядами жертвоприношений и т. д., что было призвано идеологически обеспечить функционирование схемы «человек–общество–природа» [7; 9].

Хотелось бы отметить, что издавна включенные в тесные межэтнические политические, экономические и культурные связи в составе Волжской Булгарии и Золотой Орды южные удмурты Казанского ханства достигли более высокого уровня развития производительных сил и социальная дифференциация у них была выражена ярче, чем в тот же период истории у северных удмуртов [1, 19]. На собрании членов общины *кенеше* (тюрк. «совет») избирались глава общины *тюро* (тюрк. «руководитель») и его помощники, которые при посредничестве *эльйыров/калыкйыров* (сотных князей, от тюрк. «страна», «народ») регулировали взаимоотношения удмуртского податного населения с арскими князьями. Постепенно, при поддержке татарских мирз, которые нередко были кровно связаны с удмуртской знатью, установилась несменяемость *тюро* (*байев/узыров* «богачей»), они сосредоточили в своих руках значительную власть и стали обогащаться за счет простых общинников (*калык / кара-калык / начар-калык / куанер* «черные люди, бедняки»). Со временем они стали мелкими землевладельцами. Укрепленные власти *тюро* было выгодно казанским феодалам, так как это обеспечивало бесперебойность поступления ясака в правительственную казну и в то же время значительно снижало возможность возникновения этносоциального напряжения в регионе.

В социальной структуре южно-удмуртского общества периода Казанского ханства заметную роль играли и служители языческого культа.

Южные удмурты подчинялись татарским феодалам, называемым в русских летописях «Арьские князья», дворцы которых были «зело прекрасны и воистину удивления достойны» [15, 21]. Арьские князья, по мнению многих казанских и ижевских историков, татарские князья из клана Кыпчак [4; 12; 28], а с точки зрения некоторых ижевских исследователей, представители отагаренной южно-удмуртской племенной знати [11, 25, 34], имели свои резиденции в городе Арске (центре Арской даруги) и в крупном населенном пункте Нукрате (ныне с. Карино Слободского района Кировской области), расположенном на р. Чепце. Как единодушно отмечают многие ученые, арьские князья играли выдающуюся роль в политической и социально-экономической жизни Казанского ханства, что подтверждают, например, события лета 1496 г. (мятеж князей и изгнание хана Мамука), июля 1530 (бегство Сафа-Гирея из Казани в Арск), сентября 1552 (бои на территории Арской даруги), а также Первой черемисской войны 1552–1557 гг.

...16 июня 1552 г. 150-тысячная русская рать, в составе которой были касимовские татары с ханом Шах-Али и городецкие служилые татары под руководством Ак-сеита Черевсева, темниковская мордва во главе с князем Еникеем, а также чувашаи и горные марийцы, под единым командованием царя Ивана IV **выступила в поход «х Казани»** [19, 199, 200, 210]. Оборонявшееся казанское войско включало 3 основных подразделения. Самое внушительное из них (30 тыс. «избранных» воинов [22, 24]) защищало столицу ханства. Вторая группировка, численностью 15–30 тыс. воинов, возглавляемая князем Япанчей, Шунак мурзой и арьским князем Евушем, прикрывала дорогу на Арск. Кроме татар, удмуртов и марийцев, в ее составе находились 2 700 ногайцев. Многочисленное же марийское ополчение действовало самостоятельно на территории Галицкой даруги. Взаимодействуя друг с другом, все 3 подразделения с первых дней битвы за Казань наносили ощутимый

урон войску Ивана IV. Однако вскоре царские силы достигли серьезного успеха, разгромив арьскую группировку. Во время удачного наступления они заняли Арск «и повоевали Арьскую сторону всю, многих людей побили, а жены их и дети в полон поимали» [19, 211]. После этого Казань оказалась в плотном окружении русской армии. В конце сентября Иван IV приступил к методичному штурму города, и 2 октября 1552 г. столица ханства пала.

В первые же дни после взятия Казани, возможно, уже 3 октября, состоялся «совет» с целью организации системы управления завоеванным краем и выработки политической линии в отношении коренного населения. Было решено воздержаться от военных акций в отношении местного населения, вывести основные силы русских войск с завоеванной территории и решать все вопросы путем переговоров. По улусам ко всем черным людям были разосланы «жаловальные грамоты опасные, чтобы шли ко государю, не бояся ничего. <...> И прислали ко государю арьские люди бити челом казаков Шемая да Кубиша з грамотою, чтобы государь их черных людей пожаловал, гнев свой отдал и велел ясаки имати, как и прежние цари, и прислал бы к ним сына боярьского, хто бы им сказал цареву жаловальное слово, а их собрал, понеже они со страху разбежались, и они бы, учиня государю правду, дав шерть, поехали ко государю» [19, 221]. Состоялись переговоры, на которых представители местного населения просили, «...чтобы им государь милость показал, а они всю землю государю бьют челом и ясаки дают» [19, 221]. В ознаменование наступившего мира был устроен пир. На нем присутствовали как русские воины и их союзники из числа различных поволжских народов, так и прибывшие на переговоры делегаты от татар, луговых марийцев и удмуртов. Таким образом, 10 октября 1552 г. весь край юридически покорился русскому царю.

Необходимо отметить, что за несколько дней в Казань не могли приехать из-за опасности и удаленности многие представители отдельных родов. Следует учесть и то, что население пошло на признание подданства в обстановке реальной угрозы возможного

наступления высвободившихся после взятия Казани войск. В связи с этим челобитье 10 октября не во всем адекватно отражало настроения местных жителей. Уже спустя несколько недель в Среднем Поволжье началось восстание за освобождение Казанского ханства. Одним из его центров стала Арская земля, где отряды повстанцев состояли в основном из татар, удмуртов и марийцев [11, 46–49]. Только подавление восстания 1552–1557 гг. привело к тому, что вся основная территория проживания удмуртов

(и северных, и южных) полностью и окончательно вошла в состав Московского государства...

Таким образом, на основании исследования источников, введенных в научный оборот на сегодняшний день, мы можем заявить, что южные удмурты принимали активное участие в социально-экономической и политической жизни Казанского ханства, а также были вовлечены в межэтническое взаимодействие с другими близкородственными народами государства.

Поступила 10.07.2016

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК BIBLIOGRAPHY

1. *425 лет* добровольного присоединения Удмуртии к России (1558–1983). – Ижевск : Удмуртия, 1983. – 112 с.
2. *Атаманов, М. Г.* Из истории формирования этнолингвистических групп удмуртов. Арская группа // *Finno-Ugrica*. – Казань, 2003–2004. – № 1. – С. 58–67.
3. *Бахтин, А. Г.* XV–XVI века в истории Марийского края / А. Г. Бахтин. – Йошкар-Ола : Марийский полиграфическо-издательский комбинат, 1998. – 192 с.
4. *Белых, С. К.* История «древнеудмуртской государственности» как продукт мифотворчества // *Современные социально-политические технологии : проблемы теории и общественной практики : материалы Всероссийской научно-практической конференции*. – Ижевск, 2005. – С. 10–16.
5. *Белых, С. К.* К вопросу о происхождении самоназвания бесермян // VIII Петряевские чтения : материалы научной конференции. – Киров, 2005. – С. 130–135.
6. *Владыкин, В. Е.* К вопросу об этнических группах удмуртов // *Советская этнография*. – 1970. – № 3. – С. 37–47.
7. *Владыкин, В. Е.* Религиозно-мифологическая картина мира удмуртов : Опыт реконструкции традиционного мировоззрения дореволюционного удмуртского общества : автореф. дис. ... канд. ист. наук / В. Е. Владыкин. – Москва, 1991. – 34 с.
8. *Владыкин, В. Е.* Удмурты // *Вопросы истории*. – 1969. – № 11. – С. 214–220.
9. *Владыкин, В. Е.* Удмурты : историко-этнографический очерк / В. Е. Владыкин, Л. С. Христолюбова. – Ижевск : Удмуртия, 2008. – 248 с.
10. *Второв, Н. И.* Памятники древности в Казанской губернии // *Журнал Министерства внутренних дел*. – 1840. – Вып. XXXVII. – № 8. – С. 170–217.
11. *Гришкина, М. В.* Удмуртия в конце XV – первой половине XIX века // *История Удмуртии*. Конец XV – начало XX века. – Ижевск, 2004. – С. 5–248.
12. *Исхаков, Д. М.* Арские князья и нукратские татары / Д. М. Исхаков. – Казань : Фэн, 2010. – 224 с.
1. *425 years of voluntary accession of Udmurtia in Russia (1558–1983)*, (1983), Izhevsk: Udmurtiya.
2. *Atamanov, M. G.* (2003–2004), From the history of the formation of ethno-linguistic groups of the Udmurts. Arskaya group, *Finno-Ugrica*, Kazan, № 1, p. 58–67.
3. *Bakhtin, A. G.* (1998), XV–XVI centuries in the history of Mari land, Yoshkar-Ola: Mari polygraph and publishing manufacture.
4. *Belykh, S. K.* (2005), History of “ancient Udmurt statehood” as a result of myth, *Modern socio-political technologies: problems of theory and social practice*, Conference Proceedings, Izhevsk, p. 10–16.
5. *Belykh, S. K.* (2005), On the origin of the self-name of the Besermyans, *Proceedings of VIII Petryaevskie readings Conference*, Kirov, p. 130–135.
6. *Vladykin, V. E.* (1970), On the question of ethnic group of the Udmurts, *Soviet Ethnography*, № 3, p. 37–47.
7. *Vladykin, V. E.* (1991), Religious and mythological world picture of the Udmurts: Experience of the traditional worldview reconstruction of pre-revolutionary Udmurt society, *Abstract of the dissertation (Candidate Sc. {History})*, Moscow.
8. *Vladykin, V. E.* (1969), The Udmurts, *Questions of history*, № 11, p. 214–220.
9. *Vladykin, V. E.* and *Khristolyubova, L. S.* (2008), *The Udmurts: Historical and Ethnographic Essay*, Izhevsk: Udmurtia.
10. *Vtorov, N. I.* (1840), Ancient monuments in Kazan province, *Journal of the Ministry of Internal Affairs*, Saint Petersburg, Vol. XXXVII, № 8.
11. *Grishkina, M. V.* (2004), Udmurtia in the late XV – the first half of XIX century, *History of Udmurtia. The end of the XV – beginning of the XX century*, Izhevsk, p. 5–248.
12. *Iskhakov, D. M.* (2010), *Arsk princes and Nukrat Tatars*, Kazan: Fen.
13. *Volkova, T. F.* and *Evseeva, I. A.* ed. (1985), *The Kazan story, Monuments of literature of Ancient Russia: in 12 volumes*, Vol. 7, *The middle of the XVI century*, Moscow, p. 300–565, 601–624.

13. *Казанская история* / подг. текста и перевод Т. Ф. Волковой ; комм. Т. Ф. Волковой и И. А. Евсеевой // Памятники литературы Древней Руси : в 12 т. Т. 7. Середина XVI века. – Москва, 1985. – С. 300–565, 601–624.
14. *Козлова, К. И.* Удмурты : историко-этнографические очерки. Ижевск, 1993 [рецензия на книгу] // Этнографическое обозрение. – 1994. – № 3. – С. 168–170.
15. *Курбский, А.* Избранные сочинения / А. Курбский. – Санкт-Петербург : Типография Глазунова, 1902. – 261 с.
16. *Луппов, П. Н.* О бесермянах // О бесермянах : сб. ст. / под ред. Г. К. Шкляева. – Ижевск, 1997. – С. 22–23.
17. *Мухамедьяров, Ш. Ф.* Социально-экономический и государственный строй Казанского ханства (XV – первая половина XVI вв.) : дис. ... канд. ист. наук / Ш. Ф. Мухамедьяров. – Москва, 1950. – 381 с.
18. *Напольских, В. В.* «Бисермины» // О бесермянах : сб. ст. / под ред. Г. К. Шкляева. – Ижевск, 1997. – С. 50–54.
19. *Патриаршая* или Никоновская летопись // Полное собрание русских летописей. – Москва, 1965. – Т. XIII. – 532 с.
20. *Рудаков, В. Н.* О значении термина «бесермене» в русских источниках второй половины XIII – XVI вв. // Вестник славянских культур. – 2013. – № 3. – С. 19–24.
21. *Ситдииков, А. Г.* К ранней истории Арска / А. Г. Ситдииков, Ф. Ш. Хузин, З. Г. Шакиров // Арск и Арская земля : актуальные проблемы изучения историко-культурного наследия. – Казань, 2010. – С. 5–15.
22. *Сказания князя Курбского.* – Санкт-Петербург : Типография Экспедиции заготовления государственных бумаг, 1833. – Ч. 1. – LXV + 316 с.
23. *Сорокин, П. М.* Татары Глазовского уезда // Календарь и памятная книга Вятской губернии на 1897 год. – Вятка : Губернская типография, 1896. – 810 с.
24. *Сысоева, М. В.* Первые письменные сведения об удмуртах // Вопросы финно-угорского языкознания. – [Ижевск]. – 1967. – Вып. IV. – С. 294–309.
25. *Хамидуллин, Б. Л.* Казанское ханство // Большая Российская энциклопедия. – Москва : Большая Российская энциклопедия, 2008. – Т. 12. – С. 402–405.
26. *Хамидуллин, Б. Л.* Этносоциальная история Казанского ханства : автореф. дис. ... канд. ист. наук / Б. Л. Хамидуллин. – Казань, 2004. – 28 с.
27. *Худяков, М. Г.* Вотские родовые деления // Известия Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете. – [Казань]. – 1920. – Т. XXX. – Вып. 3. – С. 339–356.
28. *Чураков, В. С.* Происхождение названий удмуртских родов // Linguistica Uralica. – [Tallinn]. – 2005. – Т. XLI (1). – С. 43–57.
29. *Чураков, В. С.* Южные удмурты в X – середине XVI века: (проблемы социально-политической истории) : дис. ... канд. ист. наук / В. С. Чураков. – Ижевск, 2001. – 296 с.
14. *Kozlova, K. I.* (1994), The Udmurts: Historical and ethnographic essays. Izhevsk 1993 [Book Review], Ethnographic Review, № 3, p. 168–170.
15. *Kurb ski, A.* (1902), Selected works, Saint Petersburg: Glazunov Press.
16. *Lup pov, P. N.* (1997), About the Besermyans, in Shklyayev, G. K. ed. About the Besermyans: Collections of articles, Izhevsk, p. 22–23.
17. *Mukhamedyarov, Sh. F.* (1950), Socio-economic and political system of the Kazan Khanate (XV – first half XVI centuries.), dissertation (Candidate Sc. {History}), Moscow.
18. *Napolskikh, V. V.* (1997), “The Bisermins” in Shklyayev, G. K. ed. About the Besermyans: Collections of articles, Izhevsk, p. 50–54.
19. *Patriarchal or Nikon Chronicle* (1965), Complete Collection of Russian Chronicles, Vol. XIII, Moscow.
20. *Rudakov, V. N.* (2013), The significance of the term “the besermens” in the Russian sources the second half of XIII – XVI centuries, Journal of Slavic Cultures, № 3, p. 19–24.
21. *Sitdikov, A. G., Huzin, F. Sh. and Shakhairov, Z. G.* (2010), To the early history of Arsk, Arsk and Arskaya land: actual problems of studying the historical and cultural heritage, Kazan, p. 5–15.
22. *Tales of Prince Kurbsky* (1833), Part 1, Saint Petersburg: Expedition of State Paper Press.
23. *Sorokin, P. M.* (1896), Tatars of Glazov County, Calendar and a book of remembrance of Vyatka province in the year 1897, Vyatka: Provincial press.
24. *Sysoev, M. V.* (1967), The first written information about the Udmurts, Questions of Finno-Ugric linguistics, Vol. IV, Izhevsk, p. 294–309.
25. *Khamidullin, B. L.* (2008), Kazan Khanate, Great Russian Encyclopedia, Vol. 12, Moscow: Great Russian Encyclopedia, p. 402–405.
26. *Khamidullin, B. L.* (2004), Ethno-social history of the Kazan Khanate, Abstract of dissertation (Candidate Sc. {History}), Kazan.
27. *Khudyakov, M. G.* (1920), Votские generic divisions, Proceedings of the Society of Archaeology, History and Ethnography at Kazan University, Vol. XXX, Is. 3, Kazan, p. 339–356.
28. *Churakov, V. S.* (2005), Origins of Udmurt generic name, Linguistica Uralica, Vol. XLI (1), Tallinn, p. 43–57.
29. *Churakov, V. S.* (2001), Southern Udmurts in X – the middle of the XVI century (problems of social and political history), dissertation (Candidate Sc. {History}), Izhevsk.